

Нyxтoон

ПРЕКРАСНЕЙШИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Нухмоон Нухмоон

Прекраснейший

<https://litres.ru/74581268>

SelfPub; 2026

Аннотация

Свет не всегда добро, а тьма не всегда зло.

Иногда тьма — это единственное, что остаётся, когда ты понимаешь, что тебя никогда не спасут.

Иногда свет — это фонарь в руке того, кто пришёл тебя убить.

ЛИСАНДРА

Я не вижу лиц. Иногда я даже не чувствую, что этот мир настоящий — будто существую где-то между сном и явью.

А потом появляется он.

Единственное настоящее лицо среди безликой пустоты. Мой ангел, пришедший из тьмы именно тогда, когда я перестала верить, что меня кто-нибудь спасёт.

ОРФЕЙ

Я слишком долго жил среди лжи, масок и красивого лицемерия. Всё вокруг было правильным, предсказуемым и до тошноты скучным.

Пока я не увидел её.

Мою тёмную музу. Тень, которая искала тело, чтобы наконец стать настоящей. Единственное несовершенство, которое мне захотелось рассмотреть до конца.

Выбери меня, Лисандра, и я подарю тебе бессмертие, которого ты не просила.

Содержание

Дротики и паутина	5
Белый дом	22
Ядовитое яблоко	43

Нухтоон Нухтоон

Прекраснейший

Дротики и паутина

Темнота.

Затхлая комната без капли света — вот во что превратилась моя жизнь.

Грязная, облупившаяся стена стала моим отражением. Лишь один вопрос крутится на повторе.

В порядке ли моя душа?

Насчёт души я не уверена, но вот тело в полном беспорядке. Рваные шрамы на руках бросаются в глаза, вызывая отвлечение к себе. Сжав зубы, провожу ногтями по ним, пытаюсь почувствовать хоть что-то, кроме ледяного холода.

Громкий хлопок за окном привлекает моё внимание. Кряхтя, я встаю и выглядываю наружу, и первое, что я вижу, — мир, параллельный моему. Под моим окном звучат смех и радость. Компания из нескольких человек куда-то идёт и что-то празднует, судя по тому, что они открыли бутылку шампанского.

Как это вообще может быть реальным? Как в одном мире кто-то смеётся, а другой режет себе вены? Почему так? Почему мы все не идентичны?

Кусая ноготь, я ещё раз выглядываю на тех людей, но они пропали из виду, а значит, и чужая мимолётная радость тоже.

Если не размышлять о бытии и перестать задаваться вопросами, то я могу сказать, что всё не так уж и плохо.

Например, сегодня был спокойный день, то есть без панических атак, истерик и желания покончить со всем.

Ради интереса я иду к календарю посмотреть, как давно я записывала своё присутствие.

Двадцать восьмого октября была последняя запись. На улице все так же грязно, поэтому я решаю, что всё еще осень. Возможно, где-то и есть оранжевые и жёлтые цвета, но не здесь. Потому что я в холодном аду.

Я делаю успехи и не пропадаю больше на несколько месяцев, замкнувшись в себе.

Набравшись сил от этого осознания, решаю застелить кровать, но противный звук телефона прерывает меня.

Кто может мне звонить? Не сказала бы, что некому, но я совсем не ожидаю звонков. Это может быть моя мать или сестра. И, к сожалению, ни один из этих вариантов не приносит мне радости.

Беру телефон в руки и тупо на него смотрю.

— Нет... этого не может быть.

Второе февраля.

Зима. Сейчас заканчивается зима. Значит, я пропустила три месяца.

Мой самый длинный провал был около двух месяцев, после которого я чуть не убила себя. А этот уже дольше.

Не глядя, отвечаю на звонок, кромсая в руке бесполезный бумажный календарь. К чёрту его и к чёрту мои записи. С каждым днём становится всё хуже. А раньше мне казалось, что я и так на дне. Видимо моя суперспособность — пробивать новое дно.

А так ли это? Сама ли я выбрала свою жизнь или так было суждено? Но что я могу сделать? Я пыталась, и ничего не вышло. Поэтому я больше не стараюсь.

Голос матери настойчиво призывает меня ответить.

— Я тут, — буркнув, я сажусь на пол, ожидая очередной лекции о моём «ужаснейшем» поведении.

— Лисан, чем ты занимаешься? Как ты можешь меня игнорировать? — Помолчав, она понижает тон с нетерпящего непослушания до уровня снисходительной заинтересованности: — Что ты там кромсала?

— Да так, эскизы, — солгала я, лишь бы она перестала задавать вопросы. Если она слышит хоть что-то про моё хобби, её интерес моментально улетучивается.

— Ах, Лисан, ты заставляешь меня нервничать, когда подолгу не берёшь трубку. Чем можно быть занятой? У тебя ни работы, ни стремлений. И не надо мне говорить, что ты рисовала. Когда же ты наконец возьмёшься за ум? — Её голос набирает обороты, и я решаюсь промычать в трубку, чтобы обозначиться. — Ты знаешь, какое сегодня число и как на-

счёт...

Её голос уходит на второй план, потому что всё в этом мире будет интереснее, чем её голос. Стыдно ли мне? Да, но я привыкла с этим жить.

Паутина в углу комнаты — сильный показатель того, что я пропала на несколько месяцев. Ну, теперь, по крайней мере, я не так одинока.

Маленький чёрный сосед, создавший дом в моём доме, достоин уважения. Ведь он сам всё сделал. Не спрашивал, не волновался. Он просто заявился ко мне в комнату и стал здесь жить. Он свободен, хоть и бессознателен. Мы похожи, но вот только я иногда проявляю сознание, как, например, сейчас.

— Когда ты приедешь? Я хочу, чтобы ты приехала и попросила прощения у отца. Если тебе повезёт, он примет тебя обратно. Устроим это на его юбилей, — её голос когтями вырывает меня из мыслей.

— Конечно, как скажешь, — зевая, я кладу голову на сгиб локтя, борясь со сном.

— Нет, Лисандра, ты слушаешь меня сейчас очень внимательно. — Её тон холоднее на несколько градусов, отчего я невольно выпрямляюсь. — Ты придёшь к отцу хорошо одетая, вкусно пахнущая и с дорогим подарком в руке. А на лице у тебя будет улыбка и искренность. Ты попросишь прощения и поклянешься, что будешь вести себя разумно. Я не собираюсь больше терпеть эту катастрофу. Слишком много

людей обращают внимание на вашу ссору. Ты меня услышала?

Злые слова так и крутятся у меня на языке. Я их проглатываю, потому что это не имеет смысла. Любое моё слово или действие не имеет смысла, потому что я пустышка в её глазах и в глазах общественности.

— Я тебя слышала. — Безразлично сказав это, я сбрасываю звонок и отшвыриваю телефон.

Каждый разговор с этой женщиной превращает меня в мишень с глубокими рваными ранами. Каждое её слово, как дротик, попадает ровно в яблочко, вливая яд мне в кровь.

С недавних пор она ненавидит меня, хоть и не говорит это вслух. Корни её ненависти проросли ещё десять лет назад, но три года назад выросло грёбаное дерево. И всё потому, что я бросила элитный медицинский университет на втором курсе в погоне за мечтой.

Одно из правил жизни: мечты не исполняются, если ты трус. Я мечтала открыть свою выставку картин, прославиться и разбогатеть. Как? Понятия не имею, но хотела и не видела препятствий, кроме университета. Как можно заметить, всё пошло не по плану.

Выгнув шею, я снова смотрю на своего маленького соседа, ожидая его совета. Но даже ему нет дела до меня; он расширяет свой дом.

Красивая ловчая сеть не спасает от зуда под кожей. Это ощущается так, будто на меня напал рой комаров, оставляя

болезненные, чешущиеся укусы.

Почесав шею, перехожу пальцами на живот, пытаюсь успокоиться. Зуд усиливается, и уже через минуту я деру всю кожу на теле, чувствуя себя облитой грязью.

Влетаю в ванную комнату и прыгаю под душ, наблюдая, как выходит яд из пор и утекает в канализацию. Стало легче, но осадок на душе остался. Он всегда остаётся и с годами лишь копится. Боюсь, когда-нибудь я утону сама в себе.

Пытаюсь под струёй холодной воды стянуть с себя футболку, я поскальзываюсь и больно бьюсь плечом о кафель.

Зарывав в отчаянии, я выхожу из душа, нащупывая полотенце, но нахожу лишь нечто липкое на раковине. Надеюсь, это не ядовитая плесень. Я не могу разглядеть, что это: здесь слишком темно.

Приоткрыв немного дверь, я наконец вижу, во что вляпалась рукой. Зелёный мох. Бормоча под нос ругательства, я лью на него воду мощной струёй.

Покончив с этим, я устало прислоняюсь к раковине. Мне не нравится эта комната. Она слишком... не могу подобрать слов. В этой комнате всегда происходят плохие вещи. Наверное, из-за интерьера?

Ведь плитка на полу местами выщерблена, и в выбоинах чернеет застарелая грязь. Зеркало над раковиной в мелких трещинах, потому что однажды я не выдержала того, что оно отражает, и ударила по нему. Теперь оно похоже на паутину, но не такую красивую, как у моего соседа. В моей паутине

нет большого осколка.

Заглянув под раковину, нахожу там старенькую футболку и спортивные штаны, решив наконец выйти отсюда.

На кухне пахнет не лучше, чем на помойке. Плита почти целиком скрылась под стопкой коробок из-под пиццы — жирных, размокших и уже отдающих гнилью. Над маленьким столом кружится какая-то мелкая живность, а на полу среди сигаретных бычков валяются пустые блистеры от лекарств, смятые упаковки и прочий мусор.

— Целый пир для паука, — разинув рот, я озадаченно смотрю на мошек, а после — на количество посуды в раковине. — Откуда, чёрт бы меня побрал, у меня столько посуды?

Одна из причин, почему я ненавижу провалы, — я абсолютно не помню, чем я занималась. Я просто существую так, как мне кажется правильным, но вот только потом мне приходится разгребать эти завалы.

Небрежно завязав влажные волосы в пучок, я с опаской подхожу к раковине.

Раньше мои волосы казались мне укрытием от взглядов, но это потеряло смысл, ведь я перестала выходить на улицу. Но длину я не стала убирать, потому что привыкла к тому, что они доходят мне до бёдер. Если бы они были шелковистыми и гладкими, цвета бледного золота, то, возможно, я любила бы их. Но, увы, всё с точностью до наоборот. Непослушные, ломкие, чёрные и отпугивающие. Возможно, волосы — это отражение души? Если так, то я проклята с рож-

дения.

Моргнув, начинаю выискивать чистый стакан. Не нахожу, поэтому включаю воду и пью из ладоней.

Напившись, я подхожу к окну и выпускаю холодный февральский воздух. До меня долетают шум улицы, запах жареной еды и... канализации. Как же, чёрт возьми, без этого?

Возле окна стоит старое оранжевое кресло. На вид жёсткое и неудобное, с выцветшей обивкой и торчащими нитками, но я-то знаю, что оно удобное.

Кресло нещадно скрипит, пока я забираюсь на него.

— Пощады не будет, терпи, — обращаюсь я к нему.

Закинув ноги на подоконник и подперев рукой щеку, я осматриваю ущерб, причинённый мной квартире.

Она очень маленькая, но мне хватает места. Кухня, совмещённая с коридором, одна комната и крошечная ванная.

Денег у меня практически нет, чтобы переехать в более просторную квартиру, да и желания тоже нет.

Я привыкла к ней за три прожитых года. Но мне кажется, до меня она выглядела лучше. Надо бы когда-нибудь навести здесь порядок.

Увидела бы Элизабет — моя мать — в каких условиях я живу, точно упала бы в обморок. Она приверженка чистоты, минимализма, роскоши и белого цвета. То есть абсолютная противоположность мне.

Ковыряя ногтем отпавший кусочек штукатурки на стене, я потеряла счёт времени. И только сердитый стук в дверь

заставил меня вскочить на ноги.

Что я сделала?

В ужасе прокрадываюсь к двери и наступаю на какие-то крошки, вливающиеся мне в ступни. Опустив взгляд вниз, вижу придверный коврик с засохшей грязью. Резко отступаю от него и натыкаюсь на вешалку. Пальто на вешалке выглядит жутко. Лучше я не буду смотреть в этот угол по ночам.

Посмотрев в глазок, я шумно выдыхаю и открываю дверь соседке.

Опустив взгляд, я невольно прохожусь по её одежде. На ней футболка с логотипом очередной рок-группы, которую она, скорее всего, даже не слушает, поверх неё вязаная кофта с перламутровыми пуговицами, а сверху бесформенный вязаный кардиган цвета засохшей горчицы, с оторванными карманами. И, конечно, её любимые пушистые розовые тапочки.

Стилем эта пожилая женщина не обладает, но не мне судить. Я не стирала свою одежду уже несколько месяцев.

— Добрый вечер, Неола, — решаюсь я наконец прервать неловкую тишину, продолжая рассматривать её кардиган.

Её карманы чем-то набиты, и я подозреваю чем. У неё странные привычки, например, воровать чужую почту, а после ругаться с соседями, что вся почта приходит ей в квартиру, и требовать компенсацию за моральный ущерб.

Все соседи знают о её нелепых махинациях, но никто не решается с ней спорить.

— Лисандра, — озабоченно говорит она. — Почему ты не ухаживаешь за своим шрамом? Посмотри, как он оброс рубцами! — Всплескивая руками, она тянется к моей шее, отчего я резко отскакиваю от неё.

Что-то в выражении моего лица напугало её, и она резко переводит тему, с важным видом поправляя свои седые волосы, выбившиеся из-под платка. Ещё одна изюминка Неолы — она считает, что носить разноцветные платки, завязывая их высоким хомутовым узлом, очень модно. Может быть, это и правда так, но её образ целиком больше напоминает безумного Шляпника, съевшего килограмм галлюциногенных грибов.

— Ты так похудела! Неужели это из-за твоего нового уха-жёра? Знаю я это чувство! — хитро улыбается, сверкая голубыми глазами. — Влюблённость равна стрессу. А стресс равен похудению. Даже завидую тебе, — каждое её слово смущает и запутывает меня.

— О чём речь? — медленно спрашиваю я.

Она удивлённо на меня смотрит, потом оглядывает подъезд и наклоняется ко мне, заговорщически нащёптывая:

— Ну как же? Паренёк здесь опивается. Всегда в кепке и в чёрной куртке. Высокий такой и в плечах широкий. Несколько раз уже видела, как стоял возле твоей двери по несколько минут, а потом уходил. — Она переводит дыхание, пока я во все глаза смотрю в её размытое лицо. — Поссорились, да? А теперь он бежит и думает, как бы извиниться? — Она

понимающе улыбается.

— Наверное, этот человек ошибся дверью. У меня нет ухажёра, — растерянно говорю я, наблюдая, как её зрачки сужаются, выражая испуг.

— Нет-нет, он точно не ошибся. Я следила за ним через глазок. Вот только пару минут назад приходил, а как ушёл, так я к тебе и постучала. Я хотела тебе раньше сказать, но ты несколько месяцев не открывала дверь, — тараторя, рассказывает она и, сощутив глаза, рассматривает меня, словно проверяя, здесь ли я ещё.

Она пытается меня убедить в том, что у меня есть ухажёр, или запугать? Скорее второе, потому что я чувствую, как ужас поднимается изнутри и захватывает каждую клеточку тела.

Какой-то мужчина стоял уже несколько раз за моей дверью и... и что? Зачем? Мне надо вызвать полицию? Или, может, стоит переехать? Почему этот человек следит за мной?

Задыхаясь, я вталкиваю своё онемевшее тело в квартиру и лихорадочно закрываю все замки. Бегу ко всем окнам по очереди и закрываю шторы.

Липкий страх оседает на коже, вынуждая чуть ли не сдирать кожу ногтями.

Забившись в угол комнаты, я распускаю волосы, делая из них щит.

Никто не обидит меня, пока меня нет.

Закрыв глаза, я чувствую, как улетаю туда, где безопасно.

Я иду по Лондону, которого не существует в реальности. По набережной, где не бывает людей. Здесь только тихая гладь воды, закатное пурпурное небо и я. Здесь нет размытых лиц и проблем. Я чувствую запах типографской краски и озона — так пахнет гроза. Я могу без осуждения зайти в галерею, где висят мои картины, и просто быть.

Это не мечта. Это более реально, чем эта комната. Внутри меня огромный, бесконечный, ветреный Лондон. А снаружи только четыре стены и звон в ушах.

Я могу так сидеть часами, а может, и днями. Время теряет свою ценность. Но возвращение в реальность — самое мучительное. Ненавижу ощущать вес костей. Слышать скрип половиц у соседей. И снова понимать, что я заперта в этом теле.

Развлекая себя, я могу подойти к окну и наблюдать за людьми. За тем, как они смеются и идут по своим делам. Мир всегда спешит, но зачем? Жизнь бесконечна, перерождение неминуемо.

Самое печальное в моей жизни — это то, что я не вижу людей. Я не могу сполна оценить их внешность, насладиться красотой. Я больна, но чем? Никто до конца не знает.

Мне кажется, я забыла, как выглядит целое лицо, даже моё. Обрывки улыбок, цвет глаз или перелив цвета волос — вот что мне доступно. Это как бесплатная подписка на магазин, но открывается весь каталог только после покупки платной.

Мне страшно выходить наружу. Не потому, что я боюсь машин или преступников. Я боюсь, что выйду, и мир окончательно распадётся для меня на мазки. Боюсь, что дойду до угла, сяду на лавочку, и никто не отличит меня от грязи на ней.

Отложив слова Неолы на второй план, я подползаю к тумбочке возле матраса вместо кровати и зажигаю свечу.

Тени красиво играют на стене, окутывая меня тёплым одеялом. Рой мурашек скользит по рукам и животу. Тени — это мои друзья, навещающие каждую ночь. Те, кто не отвернутся первыми, пока это не сделаю я.

Мне нравятся ночи, потому что все границы стираются. Я больше не Лисандра, не женщина и не художница. У меня нет болезни и страхов. Я просто точка в пространстве.

Сознание медленно растворяется, как краска в скипидаре, но желудок напоминает о том, что я всё-таки биологическая машина, требующая подзарядки в виде настоящей еды.

Сходив и выпив ещё воды из ладоней, я падаю, раскинув руки, на матрас.

Он продавлен, в нём чувствуется форма моего тела, и я не чувствую себя одинокой. Кажется, будто он меня обнимает. Рядом с ним всё, что нужно для моего подобия жизни: стопка книг, которые я так и не смогла прочесть из-за своей рассеянности, пепельница, хотя не знаю зачем. Курю я очень редко, ведь просто забываю об этом, да и желания нет ходить в магазин за сигаретами. Пустой стакан с засохшим на дне

налётом, телефон с разбитым экраном после разговора с мамой и пауэрбанк, который постоянно разряжен.

В идеальном мире я бы проснулась с утра и пошла в свою галерею, выпила настоящего кофе и улыбалась бы красивым людям.

Меланхолично взглянув на свои работы на стене, я прикусываю палец, чтобы не уснуть.

На стенах висят клочки бумаги, изрисованные карандашом. То тут, то там наброски силуэтов и попыток нарисовать лицо. Рисунки накладываются друг на друга, некоторые сняты и брошены на полу, некоторые приколоты поверх старых. Это моё место — мой мир, который пойму только я.

В углу стоят в ряд изрисованные холсты, на которые у меня ещё были деньги. Масло, акварель, уголь — здесь можно найти всё. Тёмные города, абстракции и всё в тёмных цветах. Серый, чёрный, синий, но кое-где можно найти и алый цвет.

И здесь же, в углу, — мольберт. На нём начатая работа, закрытая тряпкой. Эта работа тяжёлая для меня, я пытаюсь выразить то, что на уме, но не нахожу слов и красок.

Впрочем, я больше не нахожу и смысла рисовать.

Проваливаясь в сон, я открываю глаза уже там.

Длинный коридор, холодный, мокрый пол, по которому я иду босыми ногами. Я не управляю своим телом, могу лишь в оцепенении наблюдать за тем, как оно движется. Страх сковал меня и упрятал в самые недра тела.

Я заранее знаю: если посмотрю в глазок, там кто-то будет.

Я не хочу.

Пожалуйста.

НЕТ.

С той стороны кто-то рвано дышит. По ногам гуляет ледяной сквозняк, но я не могу пошевелиться.

НЕ СМОТРИ.

Умоляя своё тело не двигаться, я проигрываю и смотрю в глазок. Ничего не видно, кроме размытого стекла глазка.

Удар в дверь пугает меня до ужаса, но я продолжаю смотреть в глазок, трясаясь всем телом. Потом всё затихает, и я решаюсь прислонить ухо к двери, вслушиваясь в тишину.

Но потом дверь начинает ходить ходуном, едва не слетая с петель от неистовых ударов по ней. Ручка бесконтрольно двигается вверх-вниз.

Закричав, я отталкиваюсь от двери и падаю назад. Я лечу вниз сквозь этажи, становясь прозрачной и лёгкой.

Надо мной — окно моей спальни, откуда выглядывает мужской силуэт и улыбается мне белоснежными зубами. Но эта улыбка не добрая, а скорее предвещает зло и кошмар наяву.

Я просыпаюсь с криком, который не выходит наружу. В комнате темно, а я, как парализованная, лежу, прислушиваясь к сердцу. Оно колотится так громко, что мне кажется, будто это стучат в дверь.

С тех пор прошло два дня. Или три? Я потеряла счёт.

Паранойя — это не когда ты боишься того, чего нет. Па-

ранойя — это когда твой собственный мозг начинает работать против тебя, как сломанный граммофон, который играет одну и ту же пластинку снова и снова, пока игла не протрёт дыру.

Даже сейчас, сидя в тёмной ванной, я вроде бы в безопасности, но всё равно слышу шаги в коридоре. Их нет на самом деле, их не может быть, потому что я закрыла двери и окна на щеколду. Но я слышу мягкие, крадущиеся шаги возле моей двери. Они идут от лестничной клетки к моей двери. Останавливаются, затихают, потом удаляются. И снова возвращаются.

Я сильнее стискиваю свои колени, вдавливая их в свои рёбра, спрятавшись в волосах, но всё равно не чувствую себя в порядке.

Самое страшное — это не человек у моей двери. Самое страшное — это то, что я перестаю понимать, где заканчивается моё искажение реальности и начинается реальный мир. Если я не могу доверять своим глазам, своему слуху, своей памяти, то чем мне защитить себя? Может, этого человека на самом деле нет? Может, Неола ошиблась? Или это просто мужчина, ошибившийся дверью?

Несколько раз?

А может, он стоит сейчас за дверью и ждёт моих действий?

Он проиграет, потому что я не собираюсь ничего предпринимать. Я буду ждать следующий и следующий день, пока ему не надоест. Я терпелива.

Я смогу убедить себя, что всё в порядке. Сделаю себе растворимый кофе и сделаю вид, что ничего не случилось.

Но пугает меня то, что я потеряла тишину. Она стала для меня самым громким криком, потому что в тишине появляется он.

Белый дом

Серое небо закрывает солнце. Кажется, даже в солнечный день свет сюда не добирается, будто не хочет тревожить тех, кто давно перестал ждать от жизни чего-то хорошего.

Выглянув вниз, замечаю сваленные в кучу переполненные мусорные баки, издающие зловонный запах.

Дом напротив точная копия моего дома, словно его близнец, стоящий по другую сторону улицы. Они расположены слишком близко друг к другу, поэтому я могу без труда рассмотреть, что происходит в чужих окнах.

Но если я могу видеть его, значит, и он может видеть меня?

Вздвогнув, я сильнее кутаюсь в шаль и сажусь на подоконник, закуривая.

Я решила для себя, что не буду бояться этого человека. Его может и не существовать. Я смогу защитить себя: если услышу его за дверью – сразу позвоню в полицию.

Но какова вероятность того, что полиция мне поверит? Я не выхожу на улицу, у меня нет знакомых. То, что у меня появился преследователь, довольно странно. Так не бывает.

Да?

Шикнув от боли, я резко разжимаю ладонь, которую всё это время неосознанно сжимала.

— Неола спятила, вот и всё.

Пожав плечами, дрожащей рукой я делаю последнюю затяжку и выбрасываю окурок в окно.

Единственным источником света в этом забытом богом месте остаётся одинокий фонарь. Его изящная чугунная стойка и характерный изгиб над верхушкой выдают классический английский стиль, однако в нём не осталось и капли бывшего величия. Фонарь пугающе мигает: тёплый жёлтый свет гаснет, погружая переулок в непроглядную тьму, а через секунду вспыхивает вновь, вырывая из тени глухие стены с граффити — следы запустения этого лондонского гетто.

Всё-таки в этом есть своя романтика: в темноте появляется красота, которую дневной свет стирает. Всё самое гадкое, мерзкое и скрытое вылезает наружу. Это как заглянуть человеку под кожу и увидеть всю его суть.

Плач ребёнка из чьей-то квартиры вызывает рой противных мурашек по коже. Проведя пальцами по предплечью, ощущаю мелкие неровные рубцы. Эти маленькие выпуклости складываются в картину чего-то сломанного.

По мере того, как плач усиливается, я начинаю сходить с ума. Зачем люди заводят детей в таком убогом месте?

Ругая себя за эти мысли, я слезаю с подоконника и задвигаю шторы. Ненавижу дни, когда я в сознании: я слишком раздражительна, слишком слаба, слишком... Всё становится слишком.

Жужжание телефона доносится из кучи вещей на полу. Я лениво разгребаю её ногой и почти сразу нахожу телефон.

Экран показывает мне четыре часа вечера и два процента батареи.

Мне надо срочно придумать, как оплатить счета, иначе я останусь без телефона. Больше всего меня удивляет, что он всё ещё держит заряд. Наверное, это из-за того, что я выключала его, пока пропадала.

Скривив губы, я открываю сообщение от Элизабет.

Элизабет: Не забудь что у твоего отца сегодня день рождения. Ровно в девять. И помни мои советы, потому что никто, кроме меня, не будет с тобой нянчиться.

Сжав телефон, я бросаю его на пол, ощущая игольчатую боль в лёгких.

Нянчиться? Она действительно ЭТО написала? Это последнее, что она делала в своей жизни.

Как она вообще смеет мне такое писать? Я не наносила ей личной обиды, не спорила и была, чёрт возьми, славной тихой дочерью.

— Нет, я всегда была в её глазах дерьмом, и всё потому, что я не такая, как она!

Разгорячившись, я пинаю ногами вещи, пока не спотыкаюсь и не падаю на них. Гнев уходит слишком быстро, оставляя после себя чувство вины и стыда. В груди продолжает расти комок боли.

Эти два чувства въелись мне в кости с самого детства, потому что со мной что-то не так.

Мама просит меня быть нормальной, но как я могу быть

той, кем не являюсь? Нет, я не считаю себя особенной. Скорее, я бы сравнила себя со скучным чёрным кирпичом в серой, скучной каменной кладке.

Сжавшись в комок, я укрываюсь первой попавшейся под руку вещью — футболкой — и кусаю своё колено, забавляясь тем, как на коже появляются следы зубов.

Дотянувшись до телефона, захожу в интернет-магазин и начинаю листать каталог подарков. Всё выглядит нелепо — слишком нелепо, чтобы дарить такое человеку вроде моего отца.

У него есть всё. Что можно подарить человеку, которому ничего не нужно, кроме хорошей дочери? В этом я не преуспела. К тому же у них есть вторая дочь, которой они гордятся.

— Может, отказаться приезжать? Сказать, что я заболела или меня сбила машина? — закатив глаза, я переворачиваюсь на спину. — Нет-нет, они не поверят насчёт машины. Знают же, что я не выхожу из дома.

Как просто ей сказать: «Купи подарок», но сказать: «Я одолжу тебе денег» — она не может, потому что отец запретил это. Она хочет, чтобы подарок был дорогим и достойным его внимания.

Не скажу, что я совсем безработная, как говорит Элизабет. Я делаю на графическом планшете коллажи и рисунки для подростков. Планшет остался у меня ещё со времён богатой жизни в доме родителей и теперь иногда спасает от ни-

щеты.

Я толком не знаю, что может понравиться моему отцу. Его зовут Виктор Форд, и он самый успешный нейрохирург в Англии. Кажется, его знают все, кроме меня.

Он из тех людей, которые «сделали себя сами». У него оценивающий взгляд, от которого в детстве хотелось провалиться сквозь землю. Он привык считать деньги, риски и перспективы, и по этой бухгалтерии я давно стала убыточным активом. Он платил за моё обучение в медицинском университете, видел меня в будущем врачом, а получил... это.

Для него моё «творчество» — даже не пустая трата времени, а личное оскорбление. Предательство его генетики.

Когда я собрала вещи и ушла, он просто кивнул и вычеркнул меня из семьи. Для него я умерла. Иногда я думаю, что так оно и есть: та девочка, которая старалась быть хорошей, скончалась после первой неудачи.

Но моя мать всё ещё считает, что он сможет меня простить, и каждый год заставляет приезжать к ним домой. Каждый раз это заканчивается полнейшим хаосом и скандалом.

В прошлом году я подарила ему свою картину. Специально для него вышла за свои рамки и нарисовала городской пейзаж на фоне сумерек. Серо-синие громады зданий, окна, из которых лился тёплый, почти оранжевый свет. И над всем этим — огромное алое закатное небо, разрывающее серость на части.

В ответ я получила надменный взгляд, в котором читалось всё, что он об этом думал.

— Мне кажется, эта картина подойдёт к интерьеру твоего кабинета. Хотя бы немного раскрасит мрачное коричневое дерево, — я слабо ему улыбнулась.

— Не стоило тратить деньги на материалы.

Деловито посмотрев на часы, он начал отворачиваться и уходить. Не успев подумать дважды, я схватила его за предплечье, не желая упускать последний шанс попросить у него денег.

— Пап, послушай...

Его взгляд моментально меня затыкает. Он с омерзением посмотрел на мою руку, лежащую на его пиджаке. Я отпустила его и отошла, едва не закричав от унижения.

— Молчи, Лисандра. Я рекомендую тебе только это. Иначе ты окончательно испортишь свою репутацию.

Он ушёл, оставив в моих руках картину и горстку пепла на языке.

После того раза я пообещала себе стать лучше, но вечером напилась вина и пошла прыгать с моста. Незнакомка сняла меня оттуда и отвела в больницу. Через некоторое время я снова пропала.

Никогда не поверю тому, кто говорит, что доктора — добрые люди. Ни один врач не был ко мне добр, включая отца.

Убрав пальцы с изувеченной ногтями руки, я встаю помыть их. Гребаная привычка — причинять себе боль, пока

вспоминаю что-то.

Устало прислонившись к раковине, я плескаю себе в лицо водой, имитируя слёзы.

Может быть, так я смогу обмануть мозг?

Говорят, слёзы — это побочное действие переизбытка эмоций, но у меня больше нет слёз. Когда-то я слишком много плакала и будто заблокировала эту функцию. Но когда же это было? Может быть, когда ничего не вышло с галереей?

Убрав волосы в пучок, заказываю себе очередную пиццу и снова берусь за поиск подарка.

Возможно, ему понравятся запонки или, может быть, винтажные часы из ломбарда? Они выглядят достойно, но кто же их туда продал? Может, какой-нибудь старик, собиравший всю жизнь антиквариат, или вдова, которая, оказавшись на грани бедности, отдала самое ценное?

Внезапный стук в дверь пугает меня до чёртиков.

Быстро нажимаю «заказать» и иду к двери, но потом оста-навливаюсь как вкопанная.

Кто это?

Я заказала пиццу несколько минут назад, а часы — только что.

Это он?

Пугающая мысль замораживает кровь, вызывая покалы-вание на коже.

Что мне делать?

Ещё один стук в дверь — как ещё один камень в голову.

Прокрадываясь к двери на носочках, смотрю в глазок и шумно выдыхаю. Курьер. Но как? Я же только что сделала заказ.

Хватаю телефон и смотрю на время доставки. Прошло сорок минут, а я и не заметила.

Простонав, прислоняюсь к двери головой на несколько секунд и открываю дверь курьеру, забирая свою пищу.

И так постоянно: я в стрессе, так давайте мне ещё и ма-ньяка под дверь. Спасибо, Вселенная.

Нет, его не существует. Неола спятила, помнишь?

Откусив кусок безвкусной пищи, сажусь на матрас, отщипываю кусочек теста для паука и кладу его на тумбочку. Не знаю, как он добывает себе еду и что он ест, но лишним не будет. Я всё-таки доброжелательная соседка.

Отложив кусок, выглядываю в окно, отодвинув штору. Там темно, значит, пора собираться.

Усевшись на пол, я выборочно вытаскиваю одежду из свалки посреди комнаты. Во что я должна быть одета, чтобы меня простили? Белая мантия и нимб или, может, мусорный мешок, чтобы вызвать жалость? Здесь нет подходящей одежды. И к тому же практически все вещи имеют удушливый запах затхлости.

Плюс один план — постирать вещи самой либо... дождаться, пока Неола понесёт свои вещи в прачечную, и попросить постирать заодно и мои.

— Я эксплуатирую старушку? — с сомнением спрашиваю

себя. — Да, но... Она ведь сама иногда предлагает отнести мои вещи в прачечную, так?

Вытянув чёрные джинсы и тёмно-синий свитер с высоким горлом, я решаю остановиться на этом, потому что лучшего всё равно не найду.

Посмотрев в телефон, замечаю один процент заряда и сообщение от курьера: он у двери.

Быстро переодевшись, забираю часы, удивляясь, что они уже упакованы в коробочку. Думала, придётся оборачивать их в подарочную бумагу и корчить улыбку, показывая, что так и надо.

У часов немного потемневший корпус, мелкие царапины и тонкие римские цифры. Это так загадочно и готично. Я бы обрадовалась, подари мне кто-нибудь такой антиквариат.

Не забыв натянуть кепку, солнцезащитные очки и мешковатое чёрное пальто, я вылетаю из квартиры, натягивая кепку пониже.

Пальто всё ещё хранит запах Неолы, потому что я редко его надеваю. Она отдала мне его, сказав, что оно ей больше не нужно, но я думаю, это проявление жалости после того, как она увидела мою рваную куртку.

Я скептически отношусь к Неоле, потому что она интриганка и постоянно меня жалеет. Я не заслуживаю её доброты.

Родители живут в Вентворт-Истейт — это закрытый элитный посёлок, где живут такие же пажоны, как и они. Расположен он совсем недалеко от Лондона, но мне добираться

довольно далеко.

Водитель такси оказался молчаливым и сосредоточенным на дороге, за что я поставила ему пять баллов в приложении.

Удушливый страх того, что за мной кто-то прямо сейчас следит, не дал мне насладиться первым выходом из дома за последние полгода.

Выезжая из серого Лондона, я смотрю, как Вентворт-Истейт возникает передо мной словно иллюзия: вечнозелёные хвойные деревья, безупречные живые изгороди и площадка для гольфа, не меняющая своего цвета. Сейчас февраль, но снег здесь выпадает редко; вместо него здания окутывает туман.

За живыми изгородями прячутся огромные дома — каждый на своём участке, отделённый от соседей расстоянием, лесом и тишиной.

Здесь нет привычной для города тесноты. Ни многоэтажек, ни витрин, ни случайных прохожих. Только идеально ухоженные дороги, старые деревья, просторные участки и дома, которые можно увидеть лишь несколько секунд, прежде чем очередной поворот снова скрывает их за зеленью.

Выйдя из такси, я иду по длинной извилистой тропинке к дому родителей.

Трёхэтажный, сложенный из светлого камня, с тёмной черепичной крышей и мансардными окнами, дом выглядит привычно. Так, словно я и не покидала его.

Огромные окна от пола до потолка всегда смущали меня: казалось, что кто-то может наблюдать за мной. Тогда я лишь воображала это, но сейчас мне действительно было бы страшно здесь жить.

Перед домом стоит фонтан с красивой статуей Афродиты.

В детстве я часто залезала в него и болтала с ней, за что получала нагоняй от няни.

Всё здесь кажется красивым и ухоженным, но я не чувствую себя здесь дома. Всегда было ощущение, что меня временно впустили пожить, а потом я должна буду заплатить.

Плачу я уже три года своими нервами.

Противоречивые чувства так и пляшут в голове. С одной стороны, я здесь выросла, хоть это и были мрачные времена, окутанные постоянным разочарованием в себе. Но с другой — я увижу семью, которую не видела год.

Меня приглашают только на день рождения отца, потому что он глава семьи. Так уж повелось, что остальные члены семьи не слишком важны, а я — так тем более.

Спрятав кепку и очки в рюкзак нажимаю на звонок дрожащей рукой, облизнув прокушенную губу.

Не успела я и моргнуть, как дверь открыла Элизабет, одетая с иголочки. Шёлковая блуза, жемчуг на шее, кашемировый кардиган бежевого тона и облегающие брюки. Её волосы цвета пепельный блонд уложены в идеальное каре, где каждый волосок на своём месте.

Ещё одно доказательство того, что мы с ней абсолютно

разные люди.

— Лисандра, — она провела своими глазами цвета ледников по моей одежде скривив верхнюю губу.

Она делает шаг назад, но тут же возвращается и поправляет воротник моего свитера.

— Свитер ужасно на тебе сидит, кажется, будто ты в нем спала. И перестань сутулиться.

— Я три часа ехала в такси.

— И что? Ты приехала на семейный праздник, а не в приют.

Она уже отворачивается, но вдруг задерживает на мне взгляд.

— Ты сильно похудела.

— Я в порядке.

— Нет, не в порядке.

На секунду в её голосе появляется что-то настоящее, но она тут же возвращает привычную холодность.

— Поэтому хотя бы сегодня постарайся не устраивать сцен.

Приглашая меня внутрь, она пошла, цокая каблуками, в гостиную. Я сняла пальто и кинула его на вешалку.

Глядя ей вслед, я думаю, что внутри неё выжженная пустыня, потому что она посвятила жизнь тому, чтобы быть тенью мужа.

Она организует благотворительные вечера, принимает гостей, следит за домом и терпеливо ненавидит всё, что не впи-

сывается в картину идеальной жизни. Дочь, которая ушла в художницы, — это уродливый чёрный штрих на идеально белой стене. Его невозможно закрасить, можно только сделать вид, что его нет.

Она никогда не обнимала и не поддерживала меня. Никогда не говорила: «Я люблю тебя». Максимум — сухое: «Ты сегодня хорошо выглядишь, но тебе нужно попрактиковаться в нанесении макияжа». Её любовь измеряется контролем и требованиями.

Но она же моя мама, и я всегда цепляюсь за её улыбки, как умирающий от жажды человек, увидевший оазис.

Почесав руку, я догоняю её.

— Много гостей? — спрашиваю я, нарушая тишину.

— Не очень.

Краем глаза она ещё раз осмотрела меня и открыла стеклянную дверь в гостиную, размером с мою квартиру.

Пугающе большие окна, белый диван, несколько кресел цвета слоновой кости, низкий стеклянный стол. Белый ковер, на который страшно наступать в обуви.

Одна стена полностью занята современным камином из белого мрамора. Над ним — большое абстрактное произведение в серо-белых тонах.

Нет ни единого признака того, что здесь жила и живёт «счастливая» семья. Ни семейных фотографий, ни каких-то безделушек — здесь ничего нет, кроме статуса.

Мама больно щипает меня за руку, указывая на гостей и

отца.

Несколько человек с напускной важностью разговаривают, стоя у камина; другие сидят рядом с отцом с бокалами красного вина и что-то ему рассказывают.

По углам стоит прислуга в белой униформе, сливаясь со стеной. Боюсь представить, как они будут отмывать этот несчастный ковёр от случайно пролитого вина.

Мои щёки начинают краснеть, и я понимаю, что на меня смотрят.

Взглянув на отца, мне хочется провалиться сквозь землю. Он пьёт из бокала и пристально смотрит на меня исподлобья.

Мама отходит от меня и становится за спиной отца, туда, где её место, как у прислуги, а я остаюсь одна стоять у двери, сгорая от стыда за своё существование.

Моя сестра, как хищник, почуявший кровь, берёт бокал шампанского с подноса и идёт ко мне.

— Кто это к нам пожаловал? Неужели это моя любимая сестра? — говорит она достаточно громко, чтобы привлечь внимание всех.

Демонстративно целует воздух возле моих щёк. И, в точности как мама, проходится глазами такого же цвета, как у неё, по моей одежде. Взгляд Элизабет выдаёт разочарование, а в глазах Ирмы — только насмешка и триумф.

Я ещё не открыла рот, но она уже знает, что я проиграла по всем фронтам.

Даже в самом простейшем — личной жизни. Ирма вышла

замуж за Джеймса Грея, юриста по профессии и, по совместительству, сына какого-то там лорда. У него есть фамильное поместье в Кенте и куча денег. Они создали очередную идеальную картинку семьи с двумя дочерьми.

Меня так и не познакомили с племянницами. Когда я спросила почему, Ирма ответила, что не хочет, чтобы её дети брали плохой пример, и поэтому даже не рассказала им обо мне. Они ещё малышки и ничего не понимают, но всё равно обидно.

Ирма щёлкает пальцами перед моим лицом, вырывая меня из чёрной пелены эмоций.

— Мама пригласила меня.

— Ах, мама, как всегда, слишком добра. Есть у неё зачатки матери Терезы.

Она делает глоток шампанского и чуть склоняет голову.

— Как твои картины?

— Нормально.

— Всё ещё рисуешь?

— Да.

— Какая настойчивость. Я бы на твоём месте давно поняла намёк.

Глядя куда угодно, но не на неё, я встречаюсь взглядом с мамой. Она чуть ли не шипит мне, чтобы я подошла к ней и отцу.

Сглотнув комок, достаю из рюкзака коробочку с часами, протирая её от следов пальцев, но оставляю на ней ещё боль-

ше следов своей потной ладони.

Подойдя к дивану, я неловко сажусь на край.

— Привет, пап. С днём рождения. — Я слишком резко кладу коробочку на обивку дивана, побыстрее убирая от неё руки.

Он смотрит на меня пустым взглядом, но я ничего не могу прочесть в его карих глазах. Только глубокая бездна и равнодушие.

Виктор оборачивается к Элизабет и долго на неё смотрит, общаясь, видимо, телепатически. Элизабет поджимает губы и опускает глаза.

Он берёт коробочку в руки, открывает, смотрит несколько секунд и закрывает.

Я ожидаю его решения, словно он судья и собирается назначить мне любой срок, какой захочет.

— Слабовато, Лисандра.

Слабовато? Это всё, что он хотел сказать?

Не заметив, как подошла Ирма и посмотрела через моё плечо на часы, я прикусываю язык, чтобы не закричать.

Она фыркает мне в ухо, проводя носом по моим волосам, и шепчет:

— Действительно слабовато, Лисан. Но ты ведь и не умеешь лучше.

Её слова и тон никогда не сходятся в одно целое. Она может сказать самое мерзкое и ужасное, но звучать это будет как мёд.

Все застывают как статуи, и я понимаю, что ещё один шанс вернуться в семью только что был израсходован.

Делать мне больше здесь нечего, поэтому я встаю и начинаю уходить, пока ещё в состоянии.

— Сядь обратно. — Суровый голос отца примагничивает меня обратно к дивану.

Мама щёлкает пальцами, и прислуга уже держит в руках стаканы с вином для нас. Гостей отца здесь больше нет. Из чужих остался Джеймс, но он сидит понуро в кресле, выпивая уже третий бокал шампанского и старательно игнорируя происходящее.

Нас остаётся пятеро. Прислуга убирает оставшиеся бокалы и ставит на стол несколько тарелок с закусками. Джеймс садится чуть в стороне, будто старается стать частью мебели.

Люди любят власть, но, как только видят несправедливость, выбирают отмалчиваться. Джеймс гей, но это упорно скрывают, потому что такое в кругу элиты непозволительно. Из-за дружбы наших отцов их брак был заключён скорее как сделка, и каждый получил свою выгоду. Ирма — статус, хороший набор ДНК для создания красивых детей, а Джеймс — отсутствие лишних слухов о своей ориентации.

Мама первой нарушает молчание.

— Виктор, насчёт благотворительного вечера. Семья Хартов подтвердила участие?

— Подтвердила.

— Тогда я поставлю их рядом с председателем фонда.

— Нет. Рядом со мной.

— Но тогда Греев придётся пересадить.

— Пересади.

— Хорошо.

Элизабет сразу замолкает. Она даже не пытается спорить

— просто кивает, принимая решение мужа.

— Ирма, а со школой девочек что? — спрашивает она уже через несколько секунд.

— Я всё решила. В понедельник позвоню директору.

— Хорошо. Только не забудь про встречу с педиатром.

— Не забуду.

Джеймс поднимает голову от бокала.

— Тебе ещё вина, Ирма?

— Нет, спасибо.

Он снова замолкает.

Я слушаю их и понимаю, что не знаю ни половины людей, которых они упоминают. Они говорят о фондах, школах, каких-то встречах и фамилиях так, будто я должна понимать каждое слово. Будто я на час вышла из комнаты, а не исчезла из их жизни на три года.

— Каков план? — спрашивает отец, обращаясь ко мне.

— В смысле? — не понимаю я.

Он вздыхает так, словно общается с недоразвитой обезьяной.

— Как ты планируешь зарабатывать деньги, Лисандра?

— А, ну... Я...

— Ясно.

Он поправляет свой пиджак, достаёт из портсигара сигарету и закуривает.

У мамы дёргаются желваки от сигаретного дыма, но сказать она ничего не может.

Мы сидим пару минут в тотальной тишине, каждый думает о своём.

— Я могу предложить тебе два варианта дальнейшей жизни, — внезапно говорит он.

Я во все глаза смотрю на него, пытаюсь выловить хоть одну эмоцию. Самое тяжёлое для меня — общаться с отцом, потому что его лицо неподвижно. Из-за этого всё ещё больше размывается, даже цвет глаз. Застывшая смазанная картинка.

— Первый вариант: ты переезжаешь сюда, восстанавливаешься в университете и живёшь по моим правилам. Твоя мать найдёт тебе подходящую кандидатуру на роль мужа, и ты поскорее продолжишь наш род.

Этот вариант вызывает у меня спазмы в животе и кислый привкус во рту.

Пожалуйста, пусть второй вариант будет лучше.

— Второй вариант: я фальсифицирую твою смерть, дам тебе денег, чтобы начать жизнь с нуля в другой стране, желательно на другом материке, и на этом распрощаемся.

Я моргаю несколько раз, ожидая, что это шутка. Смотрю в лица мамы и сестры. Они обе опустили головы, но я вижу,

как в улыбку изогнулись губы Ирмы.

Они хотят, чтобы я исчезла?

— Я не знаю, что тебе ответить. Есть ли третий вариант?

— сокрушённо спрашиваю я.

— Нет. Я достаточно увидел за эти три года, чтобы не давать тебе третьего варианта. Ты не добилаcь ничего из того, чего я от тебя ожидал.

Прикусив щёку изнутри, я сжимаю кулаки изо всех сил, впиваясь ногтями в кожу. Это лучше, чем то, что происходит внутри меня.

Я не нужна ему.

Я не нужна своей семье.

Я никому не нужна.

Не зная, что делаю, я встаю и, шатаясь, иду к выходу из этого белого лабиринта ужаса.

Мир вокруг плавно становится плоским. Звуки отдаляются, будто я слушаю их через несколько стен. Кто-то кладёт руку мне на плечо.

Это больше не имеет значения.

— Мне жаль, Лисандра. Я не ожидала этого.

Слова мамы проникают в моё сознание, но не помогают мне дышать. Каждый вздох даётся с трудом, будто у меня в горле застряли лезвия. Нос щиплет, а перед глазами всё плывёт.

Мне помогают надеть пальто и рюкзак и выставляют за дверь, как прокажённую.

Холодный воздух облегчает мою агонию в лёгких, и я срываюсь на бег по тропинке, а потом сквозь деревья.

Я бегу всё быстрее и быстрее, представляя, что оставляю позади себя эмоции.

Я больше не хочу чувствовать. Не хочу знать, что со мной происходит. Не хочу ничего — ни людей, ни семьи, ни самой себя.

Ледяной дождь хлещет по коже, превращая землю под ногами в скользкую грязь.

Осталась только боль — единственное, что ещё напоминает мне: я жива.

Споткнувшись о камень, я падаю в грязь. И в этот момент в голове остаётся только одна мысль: я хочу, чтобы всё это закончилось.

Я не хочу больше просыпаться по утрам и снова всё это чувствовать.

Ядовитое яблоко

Лондонское небо за окном — вечная, давящая белесая муть, в которой растворились границы между днем и ночью. Прошло несколько дней бессмысленного, анабиозного существования. Или неделя? Я снова потеряла счет.

Я больше не понимаю, где заканчивается воспоминание и начинается реальность. Мне кажется, что если я просижу здесь достаточно долго, стены тоже начнут говорить.

Квартира превратилась в холодную, застывшую конуру. Стопка неоплаченных счетов вызывает лишь нервное подергивание века. Телефон окончательно умер: ни процента заряда, деньги на счету кончились, а в карманах ни единого пенни. Я совершенно отрезана от мира. Желудок сводит от сухих голодных спазмов, но еды нет, да и мысли о ней вызывают только тошноту.

Я встаю и медленно подхожу к двери. Прикладываю ладонь к холодному дереву. Оно кажется слишком тонким. Всего несколько сантиметров между мной и всем остальным миром. Если там действительно кто-то стоит, он тоже может положить ладонь с другой стороны. От этой мысли я резко отступаю.

Паранойя медленно, узел за узлом, затягивается на моей шее. Каждый шаркающий шаг на лестнице заставляет сердце подпрыгивать к самому горлу.

Мне чудится, как он ходит по квартире, как тихо скребется в замочную скважину. И всё, что я могу, — это продолжать ждать в этом оранжевом кресле, сжавшись в тугую комок и боясь сделать даже глубокий вдох. Мне кажется, стоит мне шевельнуться и он поймет, что я здесь. Волосы на затылке встают от физического ощущения чужого, неотрывного взгляда.

— Неправда. Ложь. Наваждение... — задыхаясь, шепчу я и зажимаю уши руками, пряча лицо в колени.

Но в этой звонкой тишине всё накладывается одно на другое, закручиваясь в какой-то адский водоворот.

Животный страх перед человеком за дверью перемешивается с ядом, который влил в меня отец на своем юбилее: «*Я фальсифицирую твою смерть... и на этом распрощаемся*». Его хирургически сухой голос звучит прямо у меня в ушах, перебивая шум дождя.

Вся моя жизнь — это одна сплошная, затянувшаяся ошибка. У меня нет денег даже на еду. У меня нет ни одного человека, которому было бы не все равно. За моей дверью стоит неизвестно кто, а родные люди мечтают стереть меня из документов, как позорное пятно.

Ощущение собственного бессилия и ничтожности становится настолько плотным, что из груди выбивает остатки воздуха. Я кусаю себя за предплечье, желая переключить боль с душевной на физическую.

Горячая боль от укуса отрывает. Но вместо привычной

тупой апатии она неожиданно обволакивает меня изнутри, поджигая внутренности яростным жаром.

Из горла вырывается не то смех, не то всхлип — истеричный звук, от которого закладывает уши.

— Заткнитесь... просто заткнитесь все... — сдавленно шепчу я.

Дрожащими пальцами я сгребаю с подоконника неоплаченные квитанции, какие-то старые чеки, бумажки и с бесильной яростью швыряю их в воздух. Они бесшумно оседают на пол.

Оборачиваясь к столу, я сбрасываю коробки из-под пиццы и пустые блистеры на пол. Одинокая чашка тоже летит вниз, с оглушительным звоном разлетаясь на мелкие осколки. Я вздрагиваю от этого звука, но не останавливаюсь.

Я подбегаю к стене и ногтями срываю приколотые клочки бумаги со своими старыми набросками — беспомощными попытками нарисовать лица, размытыми силуэтами, на которые я потратила месяцы. Рву их в мелкие клочья, бросаю под ноги и с ожесточением растаптываю.

Когда-то мне казалось, что если я научусь рисовать лица достаточно хорошо, всё изменится. Я смогу нарисовать то, что вижу. Смогу доказать самой себе, что проблема не во мне, что я просто забыла, как выглядят люди.

Но каждый раз получалось одно и то же.

Это больше не имеет значения.

Опершись порезанными бумагой пальцами о край сто-

лешницы, я тяжело и рвано дышу, уткнувшись лбом в холодную стену.

В голове наступает звенящая тишина. Голоса родителей наконец затихли, а страх на секунду отступил, сгорев в этом всплеске.

Я медленно иду в комнату, внимательно глядя на мольберт.

Бежать больше некуда, потому что за дверью неизвестность, за плечами пепелище, а внутри абсолютное, выжженное ничто.

Нетвердой рукой я срываю с него тряпку.

На меня смотрит глухая, непроницаемая тьма. Я создавала этот фон неделями, наслаивая черный цвет, пока он не превратился в бездонную пропасть. А в самом центре этой бездны белым углем нарисован лишь призрак яблока. Символ чего-то целого, простого и чистого. Всего того, чем я никогда не была.

На ощупь выдавливаю на деревянную палитру кадмий красный, краплак и глубокую, почти черную умбру. Руки колотит так, что тюбики выпадают из пальцев.

Взяв кисть, я наношу первый мазок, перечеркивая белый контур яркой алой полосой. Насыщенная краска ложится густо и пастоно, и яблоко постепенно оживает. Я добавляю тени, углубляю цвет, разрываю ровную поверхность резкими мазками.

Я перестаю бороться с собой, принимая всё, от чего я так

упорно убегала: уничтожающий голос отца, брезгливость матери, и смертельный страх перед шагами за дверью, и все те ночи, когда я задыхалась от одиночества. Я не уклоняюсь от этой боли. Я открываю ей грудь и позволяю пронзить себя насквозь.

Мастихин с чавкающим звуком наслаивается на масляную плоть на холсте. Я вырисовываю это яблоко не идеальным, а перезревшим, лопающимся от собственной тяжести. Я чувствую каждую его трещину, каждую червоточину, как свою собственную рану.

Мое кровоточащее сердце требует большего. Краска кажется слишком мертвой для того, чтобы передать то, как полыхает у меня всё внутри.

Взгляд падает на порезанные пальцы. В мозгу что-то щелкает. Я хватаю канцелярский нож, делаю надрез на запястье.

Я макаю в кровь пальцы и прижимаю их к холсту. Красное расплзается по яблоку, смешивается с краской, забивается в трещины и червоточины. Я размазываю кровь медленными кругами, пока границы между мной и картиной окончательно не исчезают.

Здесь меня никто не видит. Никто не бросит мне брезгливое «успокойся», не прикажет «взять себя в руки» или «быть нормальной». Всю свою жизнь я пыталась втиснуться в их рамки, сбегая от собственной сути, и с каждым таким побегом отрываю от себя кусок живой плоти. Я так старалась забыть, кто я есть на самом деле, что превратилась в пустоту.

Моя собственная жизнь, моя боль впитываются в волокна льна. Кровь оставляет липкий, темный след на боку яблока, там, где из лопнувшей кожицы тонкой кистью я вырисовываю маленьких, слепых червей, пирующих на его разложении.

Когда последний штрих завершен, мастихин со звоном выпадает из моих пальцев на испачканный пол.

Я отступаю на шаг и падаю на колени, впившись взглядом в холст.

Яблоко вышло прекрасным в своем гниении, потому что в нем больше нет глянцевой лжи. Оно естественно, обнажено и ранено.

Запредельно красиво.

Слезы сами начинают стекать по щекам. Я закрываю глаза и впервые за долгое время позволяю себе просто плакать, потому что мне больно. Потому что я имею право не оправдываться. Я обычный человек, которому иногда страшно, иногда больно, иногда хочется исчезнуть.

Мне не обязательно любить каждую часть себя, чтобы перестать её ненавидеть.

Эта мысль кажется настолько простой, что я почти смеюсь.

Не знаю, сколько проходит времени, когда я решаю подняться с пола. В ванной кое-как смываю с лица грязь, стираю

засохшую кровь и туго перетягиваю запястье бинтом.

На автопилоте ставлю чайник на плиту, засыпаю пакетик кофе в грязную чашку. Порывшись в шкафу, нахожу сигарету, закуриваю её и заливаю кипятком кофе.

Обходя осколки и мусор на полу, сажусь в кресло, выпуская дым. За окном усиливается ветер, забиваясь в щели старой рамы и обдувая меня сквозняком.

В моей голове наступил штиль. Никаких голосов и воспоминаний. Я наконец могу закрыть глаза.

Три коротких стука в дверь вырывают меня из долгожданного спокойствия.

Неола?

— Лисандра? — доносится из-за двери приглушенный, глубокий мужской голос.

Откуда он знает мое имя?

— Мне это кажется. Это не по-настоящему, — зажмурившись, я задержала дыхание, пытаюсь стать частью интерьера.

— Я знаю, что ты дома, — спокойно продолжает он. — Я оставлю это здесь.

Простояв без движения несколько минут и ощущая на шее сжимающий стальными когтями страх, я пробираюсь на цыпочках к двери. Прижавшись к ней ухом, и ничего не услышав, смотрю в глазок. Там тоже ничего не видно, только привычная тьма подъезда.

Это он. Это точно он.

Как в замедленной съемке, я снимаю цепочку, приоткрыв

дверь на пару сантиметров. Первое, что я вижу, — это лежащее на черной бархатной подушке яблоко, окрашенное сусальным золотом. Возле него лежит маленькое зеркало в старой винтажной оправе. Открыв дверь пошире, я вижу возле стены десяток чистых холстов, разных размеров.

Затащив всё это в квартиру, пока Неола не увидела, я хлопываю дверь и закрываю все замки.

Сползаю на пол по косяку, затравленно глядя на золотое яблоко и тут замечаю под ним небольшую записку.

Кусая ногти до крови, я борюсь со своим диким любопытством и, не думая, хватаю записку под оглушительное бие-ние сердца в ушах.

На черной плотной бумаге каллиграфическим почерком, золотистыми чернилами написано:

«Ты не одна в этой тьме. Я тишина, которая тебя ви-дит».

Ужас ледяным потоком накрывает меня с головой.

Он существует, и он дал о себе знать. Всё это было правдой, а я, как наивная дурочка, посчитала это паранойей. Он и правда следит за мной. Не знаю, каким образом, но даже сейчас он смотрит. Я чувствую.

Лихорадочно схватив винтажное зеркальце с мыслью разбить его на случай, если там скрытая камера, я случайно вглядываюсь в стекло и вижу безумный взгляд.

Вскрикнув от отвращения к самой себе, я отбрасываю его подальше и судорожно начинаю искать телефон, чтобы вы-

звать полицию. Нахожу его на разгромленном столе, пытаюсь включить, но экран так и остается мертвым.

Я в ловушке, в которую загнала сама себя.

Вытирая слезы рукавом, я ползу к окну и осторожно выглядываю из-за шторы. На улице безлюдно. Только жуткий фонарь продолжает мигать, выхватывая из темноты мокрый тротуар и пустую дорогу.

Я возвращаюсь к мольберту и забиваюсь в угол, обнимая колени.

Смотрю на золотое яблоко, лежащее в нескольких метрах от меня. Оно кажется чужим и одновременно до странного знакомым.

Этот человек забирает каждый раз самое ценное, что у меня есть. Сначала это была тишина и сон, а теперь и мое личное пространство.

Всё, что я сейчас выплеснула на холст, пытаюсь очистить, он превратил в золотую приманку и бросил мне под ноги, ожидая моих действий.

— Я отвечу тебе, не сомневайся, — шиплю я в темноту комнаты, сжимая в руке канцелярский нож.